

УДК 821. 161. 1 – 1. 09 + 929 (Иванов : Мандельштам)

**“ЗАКРОЕТ ГЛАЗА – АПТЕКАРСКИЙ УЧЕНИК.
ОТКРОЕТ – АНГЕЛ”: К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
Г. В. ИВАНОВА И О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА**

Юлия Кошелівська

*Луганський національний університет імені Тараса Шевченка,
ул. Оборонна 2а, Луганськ, 91011, Україна;
e-mail: juliakoshelivskaya3388@mail.ru*

Творческие отношения Г. В. Иванова и О. Э. Мандельштама характеризуются и генетическими связями, и взаиморецепцией. Г. Иванов был дружен с поэтом, посвятил ему два очерка (в “Китайских тенях” и “Петербургских зимах”). Свидетельством “творческой дружбы” выступают реминисценции и переключки с мандельштамовской поэзией в стихотворениях “Столица спит. Трамваи не звенят”, “Из белого олонецкого камня”, “Уже бежит полночная прохлада”, “Теплый ветер веет с юга”, “Наконец-то повеяла мне золотая свобода” и др.

Ключевые слова: реминисценция, переключка, творческие связи, взаиморецепция, поэзия.

Творчество Георгия Иванова и его творческий метод, основанный на цитировании и заимствованиях, необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с творчеством тех современников поэта, которые оказали влияние на поэтическое наследие автора. Одним из них и является Осип Мандельштам. По словам Адамовича, “Георгий Иванов был неразлучен с Осипом Мандельштамом, одним из самых смешливых – и притом одним из самых умных – людей, которых мне приходилось встречать. Наперебой они сочиняли экспромты, пародии, стихотворные шутки, и Мандельштаму порой никак не удавалось свое очередное произведение прочесть, настолько сильно давил его смех” [1].

Проблема изучения творческих связей Иванова и Мандельштама на сегодняшнем этапе литературоведения все еще не достаточно исследована. К изучению разных аспектов творчества Г. В. Иванова обращались В. Крейд, Е. Витковский, И. Тарасова и др. Рассмотрению взаиморецепции Г. Иванова и О. Мандельштама посвящена статья петербургского литературоведа А. Арьева “Георгий Иванов и Осип Мандельштам”. Более детальное обращение к этому вопросу и является целью данной работы.

Первое знакомство Иванова с поэзией Мандельштама произошло, в соответствии с “Петербургскими зимами”, со стихотворения “Дано мне тело – что мне делать с ним”, вышедшего в ноябрьском номере “Аполлона”. Об этом Иванов пишет в “Китайских тенях”: “Первые стихи Мандельштама были напечатаны в “Аполлоне” в 1910 году. В них была уже вся мандельштамовская прелесть – все туманно-пронзительное очарование. Стихи были замечены – их приветствовал Вячеслав Иванов и высмеял Буренин...” [3, с. 302]. Поэтическое творчество Мандельштама произвело на Г. Иванова большое впечатление: “Стихи, подписанные неизвестным именем “О. Мандельштам”,

переливались, сияли, холодели, как звезды в воде. И от этого “звездного” соседства – очень уж явно обнаруживалась природа всего окружающего, – типографская краска и “верже” высшего качества” [5, с. 89]. Неизгладимое впечатление оказала на поэта и сама личность Мандельштама. Датой непосредственного знакомства поэтов А. Арьев называет январь 1912 года, хотя сам Иванов в “Петербургских зимах” говорит о том, что Мандельштам был представлен ему Гумилевым недели через две после прочтения его стихов в “Аполлоне”. Иванов был поражен и внешностью нового знакомого (“...на шуплом маленьком теле несоразмерно большая голова, ...так пышно выются и встают дыбом мягкие рыжеватые волосы (при этом посередине черепа лысина, ...торчат оттопыренные уши, ...глаза прищурены, полузакрыты веками – глаз не видно, ...движения странно несвободные, ...точно на веревочке”), и манерой его разговора и поведения, ведь заговорил он на французском, потом как бы обиделся, а “через четверть часа он за чаем смеялся до слез какому-то вздору, который я рассказал случайно” [5, с. 90]. Но особое впечатление на Иванова оказала манера чтения стихотворений Мандельштамом: “...Чтение Мандельштама, несмотря на всю его нелепость, как-то околдовывало. Он подпевал и завывал, покачивая головой на тонкой шее, и я испытывал какой-то холодок, страх, волнение, точно перед сверхъестественным. Такого беспримесного проявления всего существа поэзии, как в этом чтении, как в этом человеке (во всем, во всем, даже в клетчатых штанах), – я еще не видал в жизни” [5, с. 90]. С момента той судьбоносной первой встречи между двумя поэтами завязалась крепкая дружба. По воспоминаниям современников, да и самого Иванова, у них даже визитная карточка была одна на двоих.

В 1913 году Мандельштамом было написано стихотворение “От легкой жизни мы сошли с ума”, которое, по мнению О. Лекманова, “представляет собой как бы “сборную цитату”, если воспользоваться выражением самого Мандельштама, из стихов Георгия Иванова и Кузмина” [8]. Здесь, сквозь философские размышления о жизни, ее быстротечности и смерти, очевидно посвящение Иванову:

*Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка. [9]*

Об этом говорит и Лекманов, отмечая, что “в принстонском архиве Мандельштама сохранился автограф этого стихотворения с зачеркнутым посвящением: “Юрочке милому” (подтверждая данную мысль воспоминаниями И. Одоевцевой, и Рюрика Ивнева: “...Георгий Иванов, в ту пору бравировавший своей дружбой с Осипом Мандельштамом, который, в свою очередь, “выставлял напоказ” свою дружбу с Георгием Ивановым) [8].

По словам А. Арьева, “со дня знакомства скрытый или явный диалог Георгия Иванова с Осипом Мандельштамом не прерывался десятилетиями, продолжался и после гибели оставшегося в России поэта” [2, с. 129]. Первые переключки с мандельштамовской поэзией находим в стихотворении “Все дни с другими, все дни не с вами...” (1913):

*Но в ресторане и в пролетке,
В разнообразных сменах дня
Ваш образ сладостно-нечеткий
Не отступает от меня... [6, с. 168]*

А. Арьев видит здесь реминисценцию из мандельштамовского “Кинематографа”

*В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем... [9]*

Действительно, эти два стихотворения близки также и в эмоциональном плане – и у Иванова, и у Мандельштама мы отмечаем чувство тоски, ностальгии, стремления уловить женский образ, ведь лирический герой Иванова не может отпустить “сладостно-нечеткий образ”, героиня Мандельштама “измучана сухим миражем”, ожиданием, воспоминаниями.

Ивановское стихотворение “Столица спит. Трамваи не звенят” отсылает нас к стихотворению Мандельштама “Нет, не Луна, а светлый циферблат”, а также другим стихотворениям “петербургской” тематики:

*Столица спит. Трамваи не звенят,
И пахнет воздух, ночью и весною.
Адмиралтейства белый циферблат
На бледном небе кажется луною [6, с. 146].
У Мандельштама:
Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, – и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность? [9]*

– здесь видна прямая реминисценция, появление знаковых атрибутов родного Иванову Петербурга, ставшего родным и для Мандельштама. По словам Арьева, начало ивановского стихотворения “можно расценить как провозвестие позднего мандельштамовского “Я слово позабыл, что я хотел сказать...” (1920):

*Не слышно птиц. Бессмертник не цветет.
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет.
Среди кузнечиков беспмятствует слово [9].*

Образные переключки с поэзией Мандельштама встречаем в стихотворении Иванова “Из белого олонцкого камня”.

*Из белого олонцкого камня,
Рукою кустаря трудолюбивой*

*Высокого и ясного искусства
Нам явлены простые образцы [6, с. 149].*

Таким образом “высокого и ясного искусства” является “Федра”, которую не увидит лирический герой Мандельштама: “Я не увижу знаменитой “Федры”, / В старинном многоярусном театре...” – здесь представлен своеобразный диалог поэтов – и Иванов, и Мандельштам говорят о “вечных” образах, ценностях – театре, драматургии (у Мандельштама), поэзии, живописи, музыке – у Иванова. Однако у последнего все это отрицается, отвергается ради одного лишь воспоминания “об острове зеленом Валааме”, под образом которого очевидна Россия, которую Иванову пришлось покинуть. Политический и культурный подтекст отмечаем и в стихотворениях “Наконец-то повеяла мне золотая свобода”, созвучное, по мнению А. Арьева, с мандельштамовским “Сестры – тяжесть и нежность...”

*Наконец-то повеяла мне золотая свобода,
Воздух, полный осеннего солнца, и ветра, и меда.
Шелестят вековые деревья пустынного сада,
И звенят колокольчики мимо идущего стада... [6, с. 221]*

Также и у Мандельштама встречаются образы *солнца* (“И вчерашнее солнце на черных носилках несут...”), *меда* (“Медуницы и осы тяжелую розу сосут...”, тяжелые соты), а *золотая забота* преобразуется Ивановым в *золотую свободу*. Однако настроение стихотворений совершенно разное: у Мандельштама – грусть, даже безысходность, стихотворение пронизано философскими размышлениями об одновременной тяжести и нежности бытия. У Иванова же стихотворение относится скорее к пейзажной лирике – лирический герой наслаждается красотой окружающей природы, внося библейские мотивы и сравнивая увиденное с тем, чем “Любовался, глаза прикрывая ладонью, Иосиф”, ведь “Так же небо синело и травы дымились сырые / В час, когда пробиралась с младенцем в Египет Мария...”

Стихотворение “Уже бежит полночная прохлада”, переплетаясь с тематикой предыдущих стихотворений, созвучно с “Казино” Мандельштама. Так, у Иванова читаем:

*Но я люблю лучи иной Авроры,
Которой рассветать не суждено:
Туманный луч, позолотивший горы,
И дальний вид в широкое окно [6, 219].*

Здесь снова лирический герой любит красоту окружающей природы, однако вся она меркнет в сравнении с красотами родной земли, России, и хотя стихотворение написано Ивановым на Родине, это уже была другая Россия, большевистско-крестьянская, которую поэт не признавал. В этом стихотворении реминисценция из мандельштамовского стихотворения:

*Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой... [9]*

Тема тоски по родине, объединенная с тоской по другу, оставшемуся там, теперь уже в “чужой” родной стране, ярко воссоздается в стихотворении “Теплый ветер веет с юга”: Иванов рисует покинутую Родину, образ “теплого ветра” – это воспоминания автора о России, а вьюга, которая “крутит снег”, – это новый политический режим. И там, в этой “вьюге”, остался друг – Мандельштам, который “умирает”:

*Замечает быстро вьюга
Все, что в мире ты любил [6, с. 250].*

По мнению А. Арьева, “Мандельштам для Г. Иванова в поздние годы – это ностальгическая, лучшая часть оставленной России...” [2, с. 141]. Так и в этом стихотворении, пронизанном болью и тоской об утраченном, образ друга-Мандельштама тождествен образ “умирающей” Родины.

Многие современники Иванова обвиняли его в неправдивости мемуаров, однако “при всей беллетризованности мемуарных очерков Георгия Иванова, несомненно одно: не только дореволюционная, но и пореволюционная жизнь его... тесно сплеталась с жизнью...” и поэзией Мандельштама [2, с. 140]. В 1955 году, в связи с выходом собрания сочинений друга, Ивановым был написан очерк “Осип Мандельштам”, где дана характеристика всего литературного наследия поэта, называя “драгоценными” читателей, “берущих в библиотеке, тем более покупающих Мандельштама”, заслуживающими “не только внимания, но и уважения”, ведь “он сумел сохранить интерес к поэзии не в лубочном, а в настоящем понимании этого слова” [4, с. 616]. А в “Китайских тенях” Иванов написал “Ни одного слова о Мандельштаме я не выдумывал – зачем же выдумывать забавное о человеке, который сам, каждым своим движением, каждым шагом – “сыпал” вокруг себя чудаковатость, странность, неправдоподобное, комическое... не хуже какого-нибудь Чаплина – оставаясь при этом, в каждом движении, каждом шаге, “ангелом”, “ребенком, “поэтом Божьей милостью” в самом чистом и “беспримесном” виде” [3, с. 319].

Таким образом, творческое наследие Г. В. Иванова тесно переплетается с поэзией О. Э. Мандельштама. Их творческие отношения характеризуются и генетическими связями, и взаиморецепцией. Г. Иванов был дружен с поэтом, посвятил ему два очерка (в “Китайских тенях” и “Петербургских зимах”), и эссе, приуроченное к выходу собрания сочинений. Свидетельством “творческой дружбы” выступают реминисценции и переключки с мандельштамовской поэзией в стихотворениях “Столица спит. Трамваи не звенят”, “Из белого олонекского камня”, “Уже бежит полночная прохлада”, “Теплый ветер веет с юга”, “Наконец-то повеяла мне золотая свобода” и др.

Перспективы исследования данной темы заключаются в привлечении других произведений Иванова и Мандельштама, которые позволят более глубоко раскрыть литературные связи поэтов.

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. *Адамович Г.* Георгий Иванов [Електронний ресурс] / Г. Адамович. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/200787>.
2. *Арьев А.* Георгий Иванов и Осип Мандельштам / А. Арьев // Георгий Владимирович Иванов: Исследования и материалы: 1894–1958 : По итогам международной научной конференции, посвященной 50-летию со дня смерти Г. В. Иванова. – М. : Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011. – 464 с.
3. *Иванов Г. В.* Китайские тени / Г. В. Иванов // Собрание сочинений в 3 томах. – Т. 1. Мемуары. Литературная критика. – М., Согласие, 1993. – 720 с.
4. *Иванов Г. В.* Осип Мандельштам / Г. В. Иванов // Собрание сочинений в 3 томах. – Т. 1. Мемуары. Литературная критика. – М., Согласие, 1993. – 720 с.
5. *Иванов Г. В.* Петербургские зимы / Г. В. Иванов // Собрание сочинений в 3 томах. – Т. 1. Мемуары. Литературная критика. – М., Согласие, 1993. – 720 с.
6. *Иванов Г. В.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста, состав. примеч. А. Ю. Арьева. – СПб. – М. : Издательство Днк, Прогресс-Плеяда, 2010. – 768 с.
7. *Крейд В. П.* Георгий Иванов / В. П. Крейд. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 430 с.
8. *Лекманов О.* По сравнению с 1913-м годом [Електронний ресурс] / О. Лекманов. – Режим доступа : <http://mandelshtam.lit-info.ru/review/mandelshtam/002/180.htm>.
9. *Мандельштам О. Э.* Сочинения в 2-х тт. Том 1 : Стихотворения, переводы / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. Москва, Художественная литература, 1990. [Електронний ресурс] / О. Мандельштам. – Режим доступа : <http://tululu.org/read58377>.

*Стаття надійшла до редколегії 17.10.2013
Прийнята до друку 10.01.2014*

**“ЗАКРИЄ ОЧІ – АПТЕКАРСЬКИЙ УЧЕНЫ. ВІДКРИЄ – АНГЕЛ”:
ДО ПИТАННЯ ПРО ТВОРЧІ ЗВ’ЯЗКИ
Г. В. ІВАНОВА ТА О. Е. МАНДЕЛЬШТАМА**

Юлія Кошелівська

*Луганський національний університет імені Тараса Шевченка,
вул. Оборонна, 2а, Луганськ, 91011, Україна;
e-mail: juliakoshelivskaya3388@mail.ru*

Творчі відносини Г. В. Іванова та О. Е. Мандельштама характеризуються і генетичними зв’язками, і взаєморецепцією. Г. Іванов був дружній з поетом, присвятив йому два нариси (у “Китайських тінях” і “Петербурзьких зимах”). Свідченням “творчої дружби” виступають ремінісценції і переклички з мандельштамовською поезією у віршах “Столиця спить. Трамваї не дзвенять”, “З білого олонецького каменя”, “Вже біжить опівнічна прохолода”, “Теплий вітер віє з півдня”, “Нарешті повіяла мені золота свобода” та інші.

Ключові слова: ремінісценція, перекличка, творчі зв’язки, взаєморецепція, поезія.

**“WITH EYES CLOSED – HE IS A CHEMIST’S SON. WITH EYES
OPEN – HE IS AN ANGEL”: REGARDING THE QUESTION
OF CREATIVE RELATIONSHIPS BETWEEN
G. V. IVANOV AND O. E. MANDELSHTAM**

Iuliya Koshelivskaya

*Taras Shevchenko National University of Luhansk,
2a Oboronna St, Luhansk, Ukraine, 91011;
e-mail: juliakoshelivskaya3388@mail.ru*

Creative relationships between G.V. Ivanov and O. E. Mandelshtam are characterized by genetic relation and co-perception. Ivanov was a friend of the poet and devoted two essays to him (in “Kitaiskiye teni” and “Peterburgskiye zimy”). The evidence of “creative friendship” can be found in reminiscences and interchange with Mandelstam’s poetry in the poem “The Capital Is Asleep. Trams Are Not Ringing”, “From Olonetsky White Stone”, “Midnight Coolness Is Already Running”, “Warm Wind Is Blowing From the South”, “Golden Freedom Has Blown For Me At Last”, etc.

Keywords: reminiscence, interchange, creative relationships, co-perception, poetry.